

ЛИТЕРАТУРА XX–XXI вв: КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ

Пешкова Я. В.

ORCID: 0000-0003-2702-7257

Екатеринбург, Россия

E-mail: yana.peshkova2017@gmail.com

УДК 821.161.1-31 (Тэффи Н.)

DOI: 10.12345/2306-7462_2021_01_07

ОБРАЗЫ ДЕТЕЙ В РАННИХ РАССКАЗАХ Н. ТЭФФИ

Аннотация. Возрастающий интерес к творчеству Тэффи на рубеже XX–XXI вв. привел к появлению основательных трудов, связанных с глубинным проникновением в поэтику её произведений (работы О. Н. Михайлова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой, Е. В. Бочкаревой, Е. А. Денисовой). Однако у исследователей нет предложений о типологии образов детей в рассказах Тэффи, поэтому в статье мы сосредоточились именно на этом аспекте. Одним из постоянных образов в творчестве Тэффи является образ ребенка. Часто особая юмористическая манера повествования выходит на первый план. Для Тэффи всегда важна оппозиция «детское/взрослое», которая порождает антитезу: «жизнь/игра». Однако в ранних рассказах комический эффект достигается чаще всего благодаря воспроизведению детской речи. В рассказах, послуживших материалом для рассмотрения, ребенок надевает не характерную для него маску взрослого человека, что приводит к комическим дефектам в его речи. Подражание детей идеям и поведению взрослых нелепо, в результате ирония автора распространяется и на этические и политические увлечения взрослых.

Ключевые слова: Требенко; юмор; литературные мотивы; рассказы; детские образы; ирония; русская литература; русские писательницы; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы; женская проза.

Peshkova Y. V.

Ekaterinburg, Russia

MAGES OF CHILDREN IN N. TEFFI'S EARLY SHORT STORIES

Abstract. Increasing interest in Teffi's writing shown at the turn of the 21st century provoked creation of seminal studies aimed at deep understanding of her literary works' poetics (O. N. Mikhailov's, D. D. Nikolaev's, E. M. Trubilova's, E. V. Bochkareva's, E. A. Denisova's studies). However, these researchers do not suggest any typology of images of children in Teffi's short stories, which is why this article attempts to study the evolution of Teffi's writing in order not only to discover changes in the writer's worldview, but also to define her governing motives and images. The image of a child is a constant in her works. A special humorous narrative tends to prevail. The opposition 'childish/adult', which oftentimes produces the antithesis 'life/play' is of special importance to Teffi. However, in the early short stories the comical effect is usually achieved by replicating children's speech. A child tries on the strange mask of an adult, which leads to comical mistakes in their speech. Children imitating adult ideas and behaviour are ridiculous, so the author's irony is also aimed at ethical convictions and political leanings of adults.

Keywords: child; humor; literary motives; stories; children's images; irony; Russian literature; Russian writers; literary creativity; literary genres; literary plots; literary images; female prose.

Н. А. Тэффи — замечательный писатель-юморист, чье творчество началось еще в 1910-х гг. Исследователи отмечают собственный стиль Тэффи, заключающийся в сочетании комизма речи, сюжета и персонажей с тонким лиризмом повествования и трагическим контекстом [цит. по: Бочкарева 2008: 163].

Художественный мир Тэффи строится не просто на использовании элементов комического, комизм и ирония превращаются в способ мышления. Через иронию писательница контактирует с читателем. В доэмиграционный период творчества Тэффи ирония является, скорее, выражением сожаления по поводу человеческого несовершенства, чем порицаем его недостатков. Юмор этого периода творчества Тэффи направлен на нелепость жизни простых обывателей. Однако, создавая художественный образ «человекообразно-

го», Тэффи все же видит в нем и положительное начало. Сочетание насмешки и легкой нежности особенно характерно для ранних рассказов писательницы, где рисуются образы детей.

О себе Тэффи писала: «Да, мой метафизический возраст был тринадцать лет». «Тринадцать лет — возраст радости и муки, возраст ещё и уже, грань, балансируя на которой, можно заглянуть назад, в детство, и вперёд, в этот вожделенный мир, где живут “большие” — магическое и таинственное слово, мука и зависть “маленьких”» [цит. по: Бочкарева 2008: 165]. Маленькие герои ранних рассказов Тэффи страстно хотят стать скорее «большими».

Речь является главным средством обрисовки образа персонажа в рассказах Тэффи. Многие рассказы вызывают улыбку, но улыбке добрую и понимающую, настолько деликатно и сочувственно относится писательница к своим героям. Казалось бы, смешно, но отчего-то и грустно становится, и тревожно.

Не всегда образы детей в ранних рассказах Тэффи вызывают сострадание. Нередко бывает наоборот: ребенок показан сатирически. Почему так происходит — попробуем показать через анализ нескольких конкретных рассказов первого периода творчества писательницы.

В рассказе «Переоценка ценностей» (1910) рисуется забавная картина: на перемене в одной из городских гимназий первоклассники организовали собрание, чтобы решить наиболее волнующие каждого вопросы. Председатель собрания Петя Тузин настоящими «армейскими» методами командует порядком выступления каждого участника и лично ведет протокол, в котором записывает все поднимающиеся темы и реплики

Первым на повестке дня встал вопрос об отмене правил этикета: «и свободно и безнаказанно ставить локти на стол». Вторым вопросом, требующим срочного решения, стала отмена морали, признание права жениться в детском возрасте, свободно воровать чужое имущество, а также убивать мух и комаров.

Впечатление нелепости усугубляется тем, что собрание ведут дети-первоклассники, ещё не знакомые достаточно с окружающим миром, но уже использующие модель поведения взрослых. Некоторые ребята начали поднимать тему женского равноправия, под которым имелась в виду не защита прав женщин, а уравнивание мужчин в статусе с дамами. Мальчики были свято уверены в том, что плохие отметки получают из-за половой дискримина-

ции, господствующей у них в гимназии: дескать, учителя завышают отметки девочкам, а мальчикам вечно достается. В данном случае автор намекает на идеи феминизма, которые начали развиваться еще в XIX в., но особое распространение получили в России начала XX в. Исторически движение было призвано обеспечить равные права российских женщин на труд и избирательные права. Но в данном рассказе дети превратно понимают лозунги дня, чем дискредитируют и идеи, и самих себя.

В конечном итоге, когда председатель собрания своим авторитетным решением отменил все действующие моральные нормы, у одного из учеников его сосед по парте забрал булочку. Дети забыли о том, что сами разрешили («узаконили») воровство, и во главе с председателем Тузиным набросились на обидчика. Так собрание за «свободу» и «равноправие» закончилось дракой: «Загни ему салазки! Петька, заходи сбоку!.. Помогай!..». [Тэффи 2011: 68].

В рассказе, высмеивающем безрезультатное проведение собраний и митингов, ограничивающихся лишь речами и требованиями, автору удалось показать противоестественность ситуации, когда политическая терминология подхватывается детьми с гораздо большим энтузиазмом, нежели христианские десять заповедей. Собрание первоклассников в какой-то степени пародирует митинг. Никто не слушает остальных, все кричат и даже потихоньку воруют, ведут «пратакол засидания» и, наконец, выдвигают «протест против запрещения класть на стол свои оконечности» и требуют «переменишь мораль, чтоб ее совсем не было» [Тэффи 2011: 67].

Рассказ строится в форме диалога. Эмоционально дети пытаются показать себя взрослыми, но во время реплик проскальзывают чисто детские чувства: «надулся еще больше Иванов-третий», «пискнул тоненький голосок» [Тэффи 2011: 66]. У митингующих вопросы детские: «А почему нельзя — никто не говорит. И почему мы должны учиться? Почему гимназист непременно обязан учиться?» [Тэффи 2011: 65]. В рассказе автор не описывает портретные детали героев, характеристика строится на речевых репликах: «Какая молянь...», «Стоб не месали вступать в блак...», «Пусть не заплещают нам зениться!» [Тэффи 2011: 66].

Для усиления комичности в рассказе автор использует говорящие фамилии. Тузин — от просторечного слова «тузить», которое означает «бить». Дети используют взрослую лексику: «протестуем», «Тише, господа! — надрывается председатель. — Объявляю,

что заседание продолжается» [Тэффи 2011: 66]. Контраст усиливается от сочетаний использования взрослой лексики и детского умения произносить слова: «лодиться», «сталших», «лодителей» [Тэффи 2011: 66].

Автор высмеивает увлечение части взрослой публики рубежа XIX–XX вв. учением Ницше о сверхчеловеке, который отвергает традиционные моральные ценности (добро, сострадание, сочувствие ближнему и проч.), ценит только свое «Я», стремится к удовлетворению своих желаний, приветствует аморализм, эгоцентризм, гедонизм. Однако это пошло и неверно понятая философия Ницше. И дети в рассказе представлены как карикатура на взрослых, увлеченных идеями анархической свободы личного «Я», стремлением к удовольствиям, свободной любви и т. д.

В этом рассказе дети показаны как утрированное отражение увлеченных модными идеями взрослых людей. Комизм достигается не только за счет речи (хотя это главное средство), но и благодаря тому, что идеи взрослых (пересмотр морали, требование абсолютной свободы и др.) у детей принимают чисто детское воплощение: не ходить в школу, не делать уроков и т. д.

Только у одного ребенка фамилия, остальные все имеют самую распространенную фамилию и нумерацию, например, «Семенов второй», «Иванов-четвертый», «Иванов третий» [Тэффи 2011: 65]. Создается впечатление, что количество человек большое, но не понятно, кого что интересует.

Переноса взрослые разговоры в мир детей, Тэффи добивается пародийного эффекта. Комическая серьезность ребят, играющих в митинги и собрания, подчеркивает комизм псевдосерьезных взрослых.

В рассказе «Страшная сказка» (1912) автор также использует диалог, только диалог выстраивается между детьми и взрослыми. Рассказ «Страшная сказка», кстати, вполне современно звучит: детей мало волнует Красная шапочка и Серый волк, но они рано начинают понимать роль денег, зависимость жизни от финансового благополучия взрослых.

Парадокс рассказа заключается в перевернутых ролях детей и взрослой женщины, которая занимает позицию ребенка, а дети показывают то, что им прививается в семье, материальные интересы их волнуют гораздо больше, чем сказочные фантазии. Именно поэтому они не боятся существования чудовищ, но боятся разорения родителей.

Как и в других рассказах, здесь Тэффи использует говорящую фамилию — Сундуковы. Сундук — это место, где вещи хранятся достаточно долго. Сундуковы должны были вложить в детей опыт поколений, а вкладывали они в них любовь к материальным благам, к деньгам. Уменьшительно-ласкательные имена («Кокося! Тотося! Тюля!») изначально вводят читателя в заблуждение, что этих детей в семье любят и уважают, а детки милые и наивные [Тэффи 2011: 357]. Однако на самом деле они далеко не такие мягкие и совсем не по-детски относятся к миру.

Автор так описывает детей:

«Кокося — чистенький мальчик с проборчиком на голове, в крахмальном воротничке» [Тэффи 2011: 357].

«Тотося — чистенькая девочка с косичкой в передничке» [Тэффи, 2011: 357].

«Тюля — толстый пузырь, соединивший крахмальный воротничок и передничек». [Тэффи 2011: 357].

Дети изображены очень реалистично, жизненно, хотя и несколько утрированно.

Но когда они вступают в разговор, то выражают мнение взрослых: их интересует из рассказов только то, что случится с деньгами. Они могут пренебрежительно отзываться о взрослых, если они ниже их по социальному статусу. О няньке говорят: «Дурища была! — поддержала Тотося. — Дулища! — вздохнул толстый» [Тэффи 2011: 357].

«Французенка? — деловито осведомился Кокося» — здесь чувствуется подражание взрослому, используется «взрослая» лексика и взрослые интонации [Тэффи 2011: 358].

Неважно, о чем рассказывают детям, им важно лишь: «Я спрашиваю, сколько ваша муфта стоит?» [Тэффи 2011: 359]. Опять же сугубо финансовые интересы у этих детей преобладают. Они должны бы интересоваться сказками, но вместо этого обсуждают биржевые дела.

Рассказчица тщетность пытается настроить маленьких слушателей на детское восприятие страшных сказок. Несколько раз она приступает к сказке, чтобы заинтересовать и напугать детей, заставить их испытывать истинно детские эмоции.

Автор использует прием градации для того, чтобы показать усиление ужасных событий в сказке «Кто же ты, — говорит, бабушка, что по лесу ходишь да человечьим голосом разговариваешь?

А старушонка вдруг как засмеется, зубы у нее так и скрипнули.

— А я, — говорит, — матушка, та самая, которую никто не знает, а всякий встречает. — Я, — говорит, — матушка, твоя Смерть!» [Тэффи 2011: 358].

Даже взрослый боится страшных историй: «Насочиняла тут всякие страхи, а потом через темную комнату пройти не решусь», а дети только хихикали [Тэффи 2011: 359].

И вот рассказчица приступает к последней сказке:

«Жили-были на свете лианозовские акции. Жили, жили, жили, жили, жили, жили, да вдруг... и упали» [Тэффи 2011: 360]. И вот тут дети показывают искреннюю заинтересованность:

«Ай! Боюсь! Боюсь! Ай, довольно! Страшно! Боюсь! Боюсь!»

Что-то стукнуло. Это Тотося упала без чувств на ковер», — заканчивает Тэффи рассказ на самом остром эмоциональном моменте [Тэффи 2011: 360].

В детском мире персонажей рассказа — по идее, в мире добра и искренности — царствуют материальные интересы.

Рассказ «Дон Жуан» (1912) рисует подростка, уподобившегося взрослым. Начинается рассказ следующим образом: «В пятницу, 14 января, ровно в восемь часов вечера гимназист восьмого класса Володя Базырев сделался Дон Жуаном» [Тэффи 2011: 376]. Далее автор продолжает в ироничной манере описывать, что «произошло это совершенно просто и вполне неожиданно, как и многие великие события» [Тэффи 2011: 376].

Снова взрослые манеры переложены на образы детей: Володя мажет височные вихры помадой, Колька Маслов курит папиросу. Он курит не затягиваясь, «но, в сущности, не все ли равно, кто кем затягивается — папироса курильщиком или курильщик папиросой, лишь бы было взаимное общение» [Тэффи 2011: 377]. Внешнее описание Володи свидетельствует о том, что это именно неуклюжий подросток, а не истинный «Дон Жуан», которым он хочет казаться: «Хохлатый, красный, весь опухший и мокрый от слёз» [Тэффи 2011: 378].

Быть донжуаном оказалось очень непросто: «Володя направился было к Катеньке, но вовремя вспомнил, что он — Дон Жуан, и сел в стороне. Поблизости оказалась хозяйская тетка и бутерброды с ветчиной. Тетка была молчалива, но ветчина, первая и вечная Володина любовь, звала его к себе, манила и тянула. Он уже наметил кусок поаппетитнее, но вспомнил, что он Дон Жуан, и, горько усмехнувшись, опустил руку» [Тэффи 2011: 377].

У детей подросткового возраста часто бывает завышенная самооценка, они стараются скорее стать взрослыми, сами таковыми не являясь, не умея отвечать за серьезные поступки. Их часто более тянет к порокам, чем к достоинствам, и они совершают ошибки, хотя в душе этого делать не хотят. Рассказ высмеивает жалкое стремление к заимствованному «совершенству» и отказ от собственного «Я».

Таким образом, среди особенностей рассказов можно выделить следующие: рассказы написаны в форме диалога, широко используются просторечия, стилизация речи ребенка под речь взрослого. В первом рассказе герои подражают политическим веяниям во взрослом мире, не осознавая, как они смешны и нелепы. Во втором — полностью копируют поведение взрослых, интерес и смысл жизни которых состоит в деньгах. А в третьем поддаются влиянию взрослого мира, стараясь намеренно казаться взрослее.

Концовка рассказов всегда напряженная, эффектная, переворачивающая ситуацию (вместо собрания — драка, вместо рокового Дон Жуана — голодный плачущий мальчик, а самой страшной сказкой для детей оказывается падение акций на бирже).

Доводя ситуацию до гротеска, Тэффи сатирически изображает мир взрослых и, главное, показывает нелепость копирования чужих слов и мыслей, комичность попытки ребенка сыграть роль взрослого.

Внутренний мир героя раскрывается в ранних рассказах Тэффи не через поступки и события, а через речь героев, выражающую переживание определенной жизненной ситуации в данный момент. Повторяемость ключевой ситуации — ребенок уподобляется взрослому — позволяет обобщить конкретные истории, представить их как характерные, типические.

Тэффи стремится уберечь мир детства от пагубного влияния взрослых. Ее рассказы выражают авторскую позицию «от противного». Показывая, как нелепы дети, играющие роль «взрослых», она утверждает суверенность и естественность собственно детского возраста, требующего бережного и понимающего отношения со стороны взрослых. Читателю невольно становится страшно от того, что дети интересуются стоимостью вещей вместо того, чтобы восхититься их красотой, стараются построить детский мир по параметрам материально-денежных отношений, используют слова, подслушанные у взрослых («засидания», «зениться» и т. д.). Соотнося мир взрослых и мир детей, Тэффи подчеркивает бездуховность

общества и нелепость пропаганды некоторых идей, разрушающих человеческое сознание.

Детские образы не всегда вызывают сочувствие, так как писательница наделяет своих героев не лучшими чертами взрослых людей. Чаще всего писательницей используются прием говорящих фамилий, характеристики голоса и некоторые портретные зарисовки, погружающие нас в тот особый мир, который назван «миром Тэффи». Или говоря словами Саши Черного, миром «*писателя большого, глубокого и своеобразного*».

ЛИТЕРАТУРА

Бочкарёва Е. В. Мир ребёнка и мир взрослого в рассказах Н. А. Тэффи/Е. В. Бочкарёва; Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 32 (70): Аспирантские тетради. Ч. 1. (Общественные и гуманитарные науки): Научный журнал. СПб., 2008. С. 89–92. [Электронный ресурс] URL:<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12833345> (дата обращения 11.10.2019).

Бочкарёва Е. В. Образ «человекообразного» в юмористических рассказах Н. А. Тэффи/Е. В. Бочкарёва // Вопросы филологических наук. 2007. № 3 (26). С. 9–11. [Электронный ресурс] URL:<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11615675> (дата обращения: 11.11.2019).

Тэффи Н. А. Собр. соч.: В 5 т./Сост. И. Владимиров. Т. 1. М.: Книжный клуб «Книговек», 2011. 480 с. Текст: непосредственный.

Тэффи Н. А. Антология Сатиры и Юмора России XX века. Т. 12/ Н. А. Тэффи; М.: Эксмо, 2008. 544 с. Текст: непосредственный.

REFERENCES

Bochkarova E. V. Mir rebonka i mir vzroslogo v rasskazakh N. A. Teffi/E. V. Bochkarova; Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. № 32 (70): Aspirantskiye tetradi Ch.1. (Obshchestvennyye i humanitarnyye nauki): Nauchnyy zhurnal. SPb. 2008. С. 89–92. [Available from] URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12833345> (accessed: 11.10.2019).

Bochkarova E. V. Obraz “chelovekoobraznogo” v yumoristicheskikh rasskazakh N. A. Teffi/E. V. Bochkarova // Voprosy fiologicheskikh nauk. 2007. № 3 (26). С. 9–11. [Available from] URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11615675> (accessed: 11.10.2019).

Teffi N. A. Sobr. soch.: V 5 t./Sost. I. Vladimirov. T. 1. M.: Knizhnyy klub "Knigovek", 2011. 480с.

Teffi N. A. Antologiya Satiry i Yumora Rossii XX veka. T. 12/ N. A. Teffi; M.: Eksmo, 2008. 544 s.

Научный руководитель: Барковская Н. В. , д.ф.н., проф. кафедры литературы и методики ее преподавания УрГПУ.

Данные об авторе

Пешкова Яна Владимировна —
3 курс, Институт филологии и межкультурной коммуникации «Уральский Государственный педагогический университет».

E-mail: yana.peshkova2017@gmail.com

Author's information

Peshkova Yana Vladimirovna —
3rd student, Institut filologii i mezhkul'turnoy kommunikatsii "Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet".

E-mail: yana.peshkova2017@gmail.com